де требования, а требование может быть предъявлено только свободному существу. «На свободном исполнении закона основано все нравственное достоинство человека» [2, с.31]. Осознание своей свободы служит человеку в практической жизни главным побуждением к деятельности.

Будучи частью природы, человек, наделенный свободой, не противоречит ее законам, так как свобода состоит не в том, чтобы действовать наперекор законам природы, а в том, чтобы обращать материальные предметы в свою пользу, согласно с управляющими ими законами. Понятие свободы человек получает из собственного, внутреннего опыта, который показывает ему, что различные возможности действия зависят от него как субъекта и от его характера и других присущих ему черт, которые состоят в зависимости от воли человека. Воля есть сила направлять естественные влечения. Именно это сила делает человека разумным существом, а собственно практическим началом воли является разум.

Получается, что внешние мотивы зависят от характера, характер от воли, а воля опять от внешних мотивов. Сила воли способна воздерживать естественные побуждения человека и тем самым изменять характер. В большей степени это возможно, утверждает философ, под влиянием религиозных мотивов. «Свободен только тот, кто сознает себя свободным, а сознает себя свободным тот, кто действительно свободен. Таковым может быть единственно разумное существо, носящее в себе сознание Абсолютного, ибо только оно способно отрешиться от всякого частного определения и стать абсолютным началом своих действий» [2, с.48].

Свобода, стремящаяся к осуществлению абсолютного закона в человеческой деятельности, есть свобода нравственная. Сочетание противоположностей: нравственной свободы, исходящей от сознания Абсолютного, и произвола, исходящего от относительного, возможно только там, где существуют оба, а не там, где одна отрицается, что ведет к отрицанию другой, ибо тут сочетание производится не свободным, а вынужденным действием. Нравственная свобода перестает быть свободой, как только отнимается произвол. Потому свобода зла имеет равные права быть, как и свобода добра.

Но свобода может принадлежать только воле разумного существа, который является носителем идеи Абсолютного и способен определяться чисто изнутри себя. Как разумное начало воля есть способность субъекта осуществлять цели разума во внешнем мире и тем самым подчинять последний высшему закону, лежащему в глубине человеческого духа. Действуя во внешнем мире, воля сама необходимо подчиняется господствующим в нем законам и тем определениям, которые внешняя природа налагает на субъект. Чем ниже ступень ее развития, тем менее она определяется изнутри себя и тем более погружена в эти внешние для нее отношения. И так как собственная ее сущность есть свобода, то высшая ее цель состоит в освобождении себя от этих ограничений и в осуществлении своего идеала свободною деятельностью разумных существ. В таком случае свободная воля составляет основное определение человека как разумного существа. Именно вследствие этого он признается «лицом» и ему присваиваются права. Личность есть корень и определяющее начало всех общественных отношений. В этом главная идея либерализма Чичерина – абсолютная ценность личности.

Таким образом, основами либерализма по Б.Н. Чичерину являются:

1. Абсолютная ценность личности.
2. Расширение прав и свобод личности.
3. Построение государства на принципах гражданского общества.
4. Общественный порядок, предотвращающий войны, государственные перевороты и гражданские противостояния.
5. Терпимость к любой религиозной вере по причине того, что гарантия мира в обществе превыше всего, приоритет над всем.
6. Свободный труд и право на частную собственность.
7. Равные права для граждан и их равенство перед законом.

Литература

1. *Мизес Л.* Либерализм в классической традиции / Пер. с анг. А.В. Куряева. М.: ООО «Социум», ЗАО «Издательство «Экономика», 2001.
2. *Чичерин Б.Н.* Философия права. М.: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерев и К°, 1990.

ПРЕДМЕТНЫЙ КРИТЕРИЙ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОДВЕДОМСТВЕННОСТИ ДЕЛ В СУДАХ

Светлана НЕЧАЕВА
старший преподаватель факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова

Согласно ч. 3 ст. 22 ГПК РФ суды общей юрисдикции рассматривают и разрешают дела, предусмотренные частями первой и второй данной статьи, за исключением экономических споров и других дел, отнесенных федеральным конституционным законом и федеральным законом к ведению арбитражных судов. Согласно ч. 1 ст. 27 АПК РФ арбитражному суду подведомственны дела по экономическим спорам и другие дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности.

В обеих формулировках присутствует понятие «экономический спор», а в ч. 1 ст. 27 ГПК РФ употреблено также понятие экономической деятельности. Справка по результатам изучения практики применения районными судами Свердловской области процессуального законодательства на стадии принятия заявлений к производству (с изменениями от 25.09.2008) (Документ подготовлен судьей Свердловского областного суда Н.А. Панкратовой 03.09.2007).

Критерий экономического характера спора проходит через все статьи АПК РФ, определяющие подведомственность арбитражному суду [1]. При этом определение экономического спора, как и экономической деятельности, в российском законодательстве отсутствует. Возникающая в связи с этим невнятность служит причиной судебных ошибок, связанных с определением подведомственности дел.

Как отмечает Т.К. Андреева, хотя официального определения экономической деятельности в настоящее время нет, на практике к ней относится деятельность участников гражданского оборота по осуществлению своих имущественных прав в публично-правовых отношениях, так или иначе связанных с предпринимательством, например, с регистрационными, налоговыми, таможенными, антимонопольными и иными государственными органами, наделенными властными полномочиями по регулированию экономической деятельности.

М.И. Клеандров, анализируя связь понятий «экономический спор» и «хозяйственный спор», указывает, что первое из них выступает как родовое, то есть более широкое; по отношению ко второму: экономический спор – это хозяйственный спор (в значительной мере идентичен по-

нятию «гражданско-правовой спор имущественного характера») плюс спор, вытекающий из административно-правовых отношений (административно-правовой спор) с доминированием в нем экономической подоплеки [2].

Приведенная формула небесспорна, но нельзя не согласиться с автором в том, что идущая от эпохи госарбитражей инерция трактовки понятия экономического спора как хозяйственного спора не способствует адекватному применению этого понятия.

В частности, понятие «экономическое» используется в контексте государственных гарантий единства экономического пространства (ч. 1 ст. 8 Конституции РФ) и свободы экономической деятельности (ч. 1 ст. 34 Конституции РФ).

В этой связи нельзя не заметить, что понятие «экономического» в современном обществе стало существенно иным, нежели в предшествующие эпохи. Российское государство выступает как гарант свободы экономической деятельности на территории РФ для каждого как одного из неотъемлемых личных прав, не зависимого от гражданства. Эта обязанность государства закреплена на конституционном уровне.

Гражданский кодекс РФ не содержит понятия «экономическая деятельность». В то же время гражданское законодательство регулирует отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием, исходя из того, что предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке (абз. 3 с. 1 ст. 2 ГК РФ).

Уточним смысл понятия «экономическая деятельность» в соотношении с понятием «предпринимательская деятельность», содержащегося в ст. 2 ГК РФ. По смыслу формулировки ч. 1 ст. 27 АПК РФ «дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности», эти два термина не являются синонимами. Если определяющими признаками предпринимательской деятельности являются самостоятельное, на свой страх и риск, ее осуществление и систематическое получение прибыли, то экономическая деятельность, согласно Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности [3], имеет место тогда, когда ресурсы (оборудование, рабочая сила, технологии, сырье, материалы, энергия, информационные ресурсы) объединяются в производственный процесс, имеющий целью производство продукции (оказание услуг). Экономическая деятельность характеризуется затратами на производство, процессом производства и выпуском продукции (оказанием услуг). Субъекты экономической деятельности – это не только предприниматели, но любые хозяйствующие субъекты. Таким образом, экономическая деятельность не обязательно должна быть связана с систематическим получением прибыли.

Объективные признаки экономического характера спора многообразны.

1. В договорных спорах, связанных с использованием имущества, существенное значение имеет предназначение и способ использования данного имущества. Например, тот факт, что спорное недвижимое имущество является нежилым зданием и использование его в личных целях, не связанных с предпринимательской деятельность, невозможно, исходя из его назначения, свидетельствует в пользу экономического характера спора и, соответственно, подведомственности дела арбитражному суду [4]. Заметим, что данный вывод сделан арбитражным апелляционным судом при отсутствии прямого использования имущества в предпринимательских целях, на основании лишь устойчивых характеристик самого имущества.

2. В качестве искомого признака в имущественных спорах может выступать и форма владения спорным имуществом. Так, имущество общего пользования, приобретенное или созданное некоммерческим партнерством садоводческим товариществом за счет целевых взносов, в соответствии со ст. 4 Федерального закона от 15.04.1998 №66-ФЗ «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» является совместной собственностью его членов, не может использоваться для систематического получения прибыли, а потому спор о владении этим имуществом, подведомственен суду общей юрисдикции [5].

Спор об имуществе, полученном в силу наследования по закону, также подведомственен суду общей юрисдикции, даже если его собственник являлся индивидуальным предпринимателем и имущество (производственные помещения) используется в предпринимательской деятельности [6]. Арбитражный апелляционный суд, вынося такое решение, принял во внимание то обстоятельство, что истец владеет спорным недвижимым имуществом не как предприниматель, а как наследник по закону, в связи с чем рассматриваемый спор не может являться предметом судебного разбирательства в арбитражном процессе.

3. При определении подведомственности дел об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности (по жалобам в соответствии с ч. 3 ст. 30.1 КоАП) признаком экономического характера спора может служить связь административного правонарушения с осуществлением предпринимательской деятельности.

Например, состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 18.15 КоАП (привлечение к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства при отсутствии у них разрешения на работу, если такое разрешение требуется в соответствии с федеральным законом), помещен законодателем в гл. 18 КоАП «Административные правонарушения в области защиты государственной границы Российской Федерации и обеспечения режима пребывания иностранных граждан или лиц без гражданства на территории Российской Федерации» и не имеет отношения к предпринимательской или иной экономической деятельности. (См.: Постановление Верховного Суда РФ от 25.02.2010 г. №5-АД10-2).

Между тем жалобы работодателей (юридических лиц и индивидуальных предпринимателей) на постановления по делам об административных правонарушениях, ответственность за совершение которых предусмотрена гл. 18 КоАП РФ, до сих пор принимаются к производству арбитражными судами [7]. Такая практика не отвечает установленным законодателем критериям разграничения подведомственности дел между судом общей юрисдикции и арбитражным судом.

Как показало изучение дел, проведенное в рамках эмпирического исследования, незаконные решения, связанные с неправильным применением критериев экономического характера дела, в большинстве случаев принимают суды общей юрисдикции, неправомерно отказывая в рассмотрении заявления. Тенденция расширения компетенции судов общей юрисдикции, о которой пишут некоторые авторы, наблюдается не столько в сфере законотворчества, сколько в деятельности судов общей юрисдикции, которые без законных оснований (а соответственно, и без перспективы разрешения спора) переадресуют истцов в арбитражные суды, тем самым нарушая конституционное право на доступ к правосудию.

Одна из основных причин этих ошибок – одностороннее понимание судьями конституционного смысла критерия экономического характера спора, в то время как этот критерий отражает не только специфику экономического спора, тем самым способствуя реализации гарантий

единства экономического пространства и права экономической деятельности для каждого, но и специфику защиты личных прав и свобод, не связанных с экономической деятельностью.

При решении вопроса о подведомственности дела суду общей юрисдикции экономический характер спора выступает как отсылочный и негативный критерий. Он является таковым (ч. 3 ст. 22 ГПК РФ) потому, что его использование предполагает ссылку на другой процессуальный критерий, а негативным – потому, что при установлении экономического характера спора судьей делается вывод о неподведомственности дела суду общей юрисдикции.

При этом возникает парадоксальная ситуация: принципиально важное решение по делу (о принятии его к производству или об отказе в принятии заявления, о продолжении или прекращении производства) принимается на основании процессуального закона, регулирующего судопроизводство, относящееся к другой ветви судебной власти. При этом используется весьма специфический и чужеродный по отношению к сфере компетенции суда общей юрисдикции внешний критерий.

Думается, что судьи судов общей юрисдикции допускали бы значительно меньше ошибок при определении подведомственности дел, если бы они руководствовались не только и не столько негативным критерием экономического характера спора, сколько позитивным критерием подведомственности дела суду общей юрисдикции. Такой позитивный критерий подведомственности сформулирован в ч. 1 ст. 22 ГПК РФ. Однако отсутствие соотнесенности с конституционной миссией суда общей юрисдикции снижает его значимость.

Дело в том, что миссия суда общей юрисдикции не закреплена на конституционном уровне. Ст. 126 Конституции РФ не содержит даже косвенного указания на это, а в определении компетенции суда («подсудности», в терминологии Конституции РФ) в этой статье содержится логическая ошибка: компетенция суда общей юрисдикции определяется через «подсудность» же судам общей юрисдикции. Для сравнения, в ст. 127 содержится указание на экономический характер споров, что позволяет хотя бы в самом общем виде определить специфику дел, отнесенных к компетенции арбитражного суда.

Нет указания на конституционную миссию суда общей юрисдикции и в ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации».

Кроме того, в формулировке ст. 126 Конституции РФ содержится несогласованность с ч. 2 ст. 118 Конституции РФ, которая устанавливает четыре формы судопроизводства: конституционное, гражданское, административное и уголовное, между тем как в ст. 126, наряду с гражданскими, уголовными и административными упоминаются «и иные дела».

Из совокупности указанных норм и понимания экономического спора вытекает конституционная миссия суда общей юрисдикции, состоящая в судебной защите неэкономических прав граждан и организаций.

Согласно законодательству о судебной системе Российской Федерации низовым звеном в системе арбитражных судов являются арбитражные суды субъектов Российской Федерации, располагающиеся в крупных областных центрах и городах федерального значения, то есть не в непосредственной доступности для большинства граждан, особенно проживающих в небольших населенных пунктах, селах. Что же касается судов общей юрисдикции, то они в значительно большей мере приближены к месту жительства большинства населения страны, так что обращение в суд общей юрисдикции не требует от гражданина ни дополнительных расходов на поездку к месту его расположения, ни перерыва в трудовой деятельности. Судопроизводство в суде общей юрисдикции в большей степени приспособлено для защиты прав и законных интересов граждан, что и нашло отражение в п. 1 ч. 1 ст. 22 ГПК РФ. На это обстоятельство указывает Пленум Верховного Суда РВ в своем постановлении от 10.06.2008 № 10 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации поправок к статьям 1 и 13 проекта Федерального закона № 384664-4 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования порядка разрешения корпоративных конфликтов)».

Литература

1. *Андреева Т.К.* Арбитражные суды в судебной системе РФ // Отечественные записки. 2003. № 2(11).
2. *Клеандров М.И.* Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее. Волтерс Клувер, 2006.
3. Постановление Госстандарта РФ от 06.11.2001 № 454-ст «О принятии и введении в действие ОКВЭД» (вместе с «Общероссийским классификатором видов экономической деятельности» ОК 029-2001 (КДЕС Ред. 1). В период с 01.01.2008 по 01.01.2011 также применяется «Общероссийский классификатор видов экономической деятельности ОК 029-2007» (КДЕС Ред. 1.1)
4. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 15.10.2009 по делу № А74-1667/2009 о взыскании основного долга по договору аренды земельного участка.
5. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 20.04.2010 по делу № А11-13846/2009.
6. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 25.07.2008 по делу № А29-1711/2008.
7. *Останин С.* Казусы «единства» судебной практики // ЭЖ-Юрист. 2010. № 15.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ И ДИСКУРСЕ

Эллина УРТАЕВА

преподаватель, соискатель факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова

Одной из особенностей современного энергетического дискурса является то, что его основным концептуалом стало понятие энергетической безопасности.

На рубеже XX-XXI веков шведскими учеными Б. Бузаном и О. Вэвером была предложена теория секьюритизации (securitization), в рамках которой безопасность трактуется не столько как объективное состояние дел, сколько как дискурсивная практика, направленная на модификацию иерархии политических приоритетов [1]. Под секьюритизацией той или иной проблемы (темы) международной жизни понимается включение этой проблемы (темы) в дискурс безопасности. Тем самым ей придается статус экзистенциальной угрозы, требующей чрезвычайных мер противодействия [2]. При смещении фокуса исследования с изучения угроз как таковых на анализ их концептуализации в социально-историческом контексте подход, предложенный Б. Бузаном и О. Вэвером, представляет собой не столько направление исследований в области собственно безопасности, сколько стратегию исследования международно-политического дискурса. В таком виде это одно из наиболее